

Р.В.Рывкина

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАССОВ В РОССИИ

Рывкина Розалина Владимировна — доктор экономических наук, заведующая лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и Минтруда РФ.

Основной фактор — разгосударствление собственности

Сегодня Россия переживает период, когда в ней складывается новая система социальных групп (классов, слоев), то есть новая социальная стратификация, в корне отличная от существовавшей в СССР. Поэтому важно сравнить эти два типа стратификации, охарактеризовав хотя бы в самом общем виде "архитектуру" той, что утверждается сейчас.

Она формируется одновременно по многим критериям. В результате в обществе появляются иерархии социальных групп, различающихся по размерам дохода (от нищих и малообеспеченных до миллионеров), по объему власти (от высших государственных чиновников до тех, кто не причастен к власти вообще), по уровню образования и другим критериям. В данной статье рассматривается возникновение одной из таких иерархий — экономической. Она складывается в условиях реформирования экономики, и хотя власть "душит" нарождающиеся классы налогами, однако декларирование курса на приватизацию, на создание фермерских хозяйств, практические шаги правительства по реализации этого курса создают благоприятные условия для разгосударствления собственности, а следовательно — для формирования в будущем реальных собственников.

По официальной оценке правительства, 30 июня 1994 года — исторический день в развитии страны, поскольку в этот день была завершена чековая приватизация. Комментаторы объявили, что с завершением приватизации Россия покончила с социализмом, наступает "время капитала". В интервью газете "Известия" заместитель Председателя Госкомимущества Д. Васильев сказал, что "в России сейчас около 50 миллионов собственников, каждый из которых обладает десятками акций". По его оценке, 70% предприятий уже не принадлежат государству [1]. Однако, наряду с ведомственной, существует и противоположная оценка приватизации: новые собственники эфемерны, безвластны. Из 200 экспертов ВЦИОМ, опрошенных в 1993-994 годах, 57% считали политику приватизации неправильной, 35% — правильной, 8% — не могли дать никакой оценки, ибо, по их мнению, эта политика фиктивна, формальна, не имеет правовой базы, стимулирует коррупцию, носит избыточно коллективистский характер [2].

За расхождением ведомственных оценок и ожиданий общества стоит незавершенность в России процесса формирования новых собственников.

Пока осуществлено лишь формальное перераспределение собственности. В опросе 426 директоров промышленных предприятий, проведенном ВЦИОМ, выявилось, что только 16% предприятий являются государственными, 60% — это АО на базе приватизированных предприятий, 11% — ТОО на той же базе, 5% — индивидуальные частные предприятия и кооперативы, 2% — выкупленные трудовыми коллективами, 2% — на аренде, 1% — совместные предприятия. По оценкам тех же директоров, двумя третями капитала предприятий владеют трудовые коллективы [3].

Эта картина пока существует только на бумаге, она действительно формальна. Реальное перераспределение капитала еще впереди. Но главные условия для формирования собственников уже имеются. Во-первых, государство как собственник средств производства оттеснено на задний план. Во-вторых, формирование даже номинальных собственников предприятий порождает у их директоров, других

компетентных и активных специалистов новую экономическую мотивацию — стремление действительно стать хозяевами своих предприятий. В-третьих, в стране формируются индивидуальные частные собственники на базе не только ранее существовавших, но и вновь созданных предприятий, причем не только в промышленности, но и во многих других сферах производства и обслуживания — быта, туризма, культуры, образования, здравоохранения, охраны порядка, массовых коммуникаций и т.д. В-четвертых, мощным ускорителем процесса формирования частных собственников в России является проникновение западного капитала, создание совместных предприятий.

При всем этом нельзя не видеть весьма неблагоприятные и даже опасные приметы той реальности, в которой происходит этот процесс. Прежде всего, возникающий частный капитал не имеет под собой какой-либо институциональной основы — ни серьезной правовой защиты, ни социальных традиций. Ведь в сложившихся, нормально функционирующих обществах распределение между разными социальными группами собственности, доходов, власти, престижа, разделение прав и обязанностей, функций и ответственности — все это базируется на традициях, которые охраняются устойчивыми социальными институтами. Именно поэтому в развитых странах Европы особых политических катаклизмов по поводу экономической политики правительства не наблюдается. В России же политическая борьба вокруг каждого экономического шага власти — результат того, что требуемых институтов, способных поддерживать и "вписывать" новые экономические формы в "плоть" общества — пока нет; частные собственники возникают вопреки отсутствию всего этого.

Вместе с тем в российском обществе чрезвычайно слабы интеграционные социальные связи и чрезвычайно высока социальная конфликтность. За этим стоит многое, но главное — борьба между сторонниками коммунистической и капиталистической традиций. Политические интересы пока сильнее гражданственных, групповые — сильнее общесоциальных, что тормозит формирование реальных собственников. Ярким примером является судьба российских фермеров [4].

Корни тех политических, идейных, психологических трудностей, на которые натолкнулись процессы формирования рыночной экономики и новой социальной стратификации в России, лежат в той социально-экономической системе, которая три четверти века существовала в СССР. Поэтому, чтобы глубже понять генезис новой экономической стратификации, нельзя не вспомнить недавнее прошлое.

Советское общество как "социальный ген" новой экономической стратификации

Советская система была противоречивой: в реальности существовала одна, а в усвоенной обществом официальной идеологии — другая. Миф и реальность были тесно переплетены.

Действительно, до перестройки вопрос о том, из каких классов состоит советское общество, был как бы решен — в том смысле, что в стране господствовала официальная точка зрения: общество победившего социализма состоит из рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, "прослойки" между ними, различия между которыми исчезающе малы. На этой концепции базировались основные политические документы — Конституция СССР, Программа КПСС, Постановления ЦМ СССР и другие, определявшие проводимую политику. Как бы ни критиковали эту концепцию ученые, но нельзя отрицать: в немалой мере по ней жили.

Столь же общепризнанно было и то, что в стране существуют еще и кадры управления, аппаратчики. Считалось, что они входят в состав трудовой интеллигенции и потому как бы не нарушают картины морально-политического единства общества. Хотя многие и понимали, что такое "аппарат" на самом деле, все же большинство населения полагало: в СССР все более или менее равны.

Такое представление имело свои фундаментальные причины. Во-первых, идеологи КПСС тщательно маскировали реальную структуру советского общества, прежде всего — его господствующий класс. На это работали основные политические лозунги ("народ и партия едины" и др.), внедрявшие идею слитности, идентичности партийно-советского аппарата и народа.

Во-вторых, в стране, как известно, не было не только оппозиционных политических партий, но и каких-либо массовых общественных движений, открыто критикующих власть от имени более или менее консолидированных социальных групп, выражающих свои интересы. Групповые интересы, конечно, были, но если они и осознавались, то "загонялись" на дно сознания, куда старались не заглядывать. Не случайно бытовала шутка: "У меня есть собственное мнение, но я его не разделяю".

В-третьих, номенклатура, привычно и без огласки пользуясь положенными (и только такими!) привилегиями, исправно выполняла традиционные для СССР правила взаимодействия с трудящимися — проводила массовые кампании, организовывала соцсоревнование, вовлекала "низы" в управление производством. К секретарям парткомов всех уровней (от заводских и районных до ЦК КПСС) народ ходил жаловаться на своих начальников, искал защиты. И нередко находил ее. Это питало иллюзию об аппаратчиках как части трудовой интеллигенции.

В-четвертых, благодаря весьма эффективной системе идеологической обработки масс удалось создать прочный образ советского общества как системы, основанной на морально-политическом единстве и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Этот образ, начертанный в канонизированном Кратком курсе истории ВКП(б) (1938 год), "доводили" до людей на занятиях в школе, институте, кружках политобразования, сеть которых пронизывала всю страну. В результате человек смотрел на жизнь через призму впитанной с детства идеологии. Истинной реальности он чаще не знал.

В-пятых, советское общество было обществом трудовых коллективов. Они решали практически все социальные вопросы: обеспечивали жильем, путевками, местами в детские учреждения, дефицитными товарами. В коллективах формировались групповые нормы, соответствовавшие идеологическим установкам партии и государства, что поддерживало идеологию социального равенства.

Все эти обстоятельства и создали нетривиальную ситуацию: истинное строение общества было как бы "в тени". Однако не только западные политологи и советские диссиденты, но и немалая часть населения страны понимала, что на самом деле общество устроено иначе, чем это зафиксировано в официальной идеологии. Разрыв между нею и реальностью откладывался в сознании, создавая тот "пар", который рвался наружу. Именно благодаря этому накопившемуся к концу 80-х — началу 90-х годов "пару" был поддержан курс на реформы. Общественное сознание в существенной мере было готово к ним. Хотя, с другой стороны, последующий ход рыночных преобразований показал, что коммунистическая идеология "сидит" в сознании некоторых слоев общества весьма прочно.

Как же реально сказалась эта "советская наследственность" на формировании новой социальной стратификации в постсоветской России?

Номенклатура как социальный мост между диктатурой КПСС и постсоветским капитализмом

Перефразируя библейскую формулу, можно сказать: сначала была номенклатура. Хотя о ней самой, захвате ею собственности писали много, но ее главная функция осталась незамеченной: она не только преобразовалась сама, но изменила и всю систему социальных групп страны.

Официальный отказ от диктатуры аппарата КПСС и советского государства в экономике, разрушение этих двух самых мощных политических институтов СССР способствовали тому, что постепенно, но неуклонно экономическая власть переходила в руки партийно-советской номенклатуры. Парадоксальный факт: хотя структурные звенья КПСС и Советов ломались, но экономическая сила агентов этих организаций, напротив, росла. Более того, именно открытый слом старых структур создал своего рода "ковёр", под которым из бывших чиновников партийно-советского аппарата успешно формировались новые социальные группы — новые собственники, новый господствующий класс.

Главным условием, способствовавшим успешности этого процесса, было официальное декларирование перехода к рыночным формам хозяйствования. Уже распространявшиеся в середине 80-х годов кооперативы, арендные предприятия при всей их "псевдорыночности", создавали благоприятные возможности для завоевания номенклатурой тех экономических позиций, которых она ранее не имела и в которых остро нуждалась. Поэтому трех перестроечных акций Горбачева — гласности, "нового мышления" и "новых форм хозяйствования" — стало более чем достаточно, чтобы ослабленная ранее номенклатура могла растворить в небытии свои старые и обрести новые социальные роли.

Но почему, говоря о формировании новой социальной стратификации, я акцентирую внимание именно на партийно-советском аппарате? Потому, что, по сути, это был господствующий класс. Именно он инициировал перестройку 80-х годов, в его руках находились все "командные высоты" советской экономики и от него зависели перспективы — какая экономическая система будет формироваться в стране, какой будет судьба "старых" классов (рабочих, крестьян, интеллигенции) и какие новые будут возникать, в каком направлении будет развиваться вся социальная система.

В постперестроечную эпоху, особенно с началом рыночных реформ, поведение ранее "теневое" господствующего класса изменилось — стало более открытым, активным, эгоистическим. Новая ситуация требовала новой стратегии поведения, обеспечивающей занятие престижных мест в меняющемся обществе. В принципе для этого были разные пути — закрепление в новых государственных структурах, создание собственных политических партий, уход в бизнес. Последний путь создавал разные возможности: от ориентации на западный капитал до работы во благо российского бизнеса.

В целом стратегия руководящих работников аппарата КПСС и советского государства оказалась весьма логичной: занимая прежде если не самые престижные, то, по крайней мере, самые мощные по распорядительным функциям места, они стремительно освоили аналогичные места в формирующейся политической системе и экономике. Основу потока советской номенклатуры, устремившегося на эти новые места, составили те, кто создавал рыночные структуры на базе, при помощи и сначала под прикрытием старых государственных структур. Таким образом, есть все основания считать, что пресловутая советская номенклатура, многократно обвиненная во множестве преступлений перед Россией и народами СССР, волею истории стала как бы социальным мостом между советским социализмом и постсоветским "капитализмом". Более того, она оказалась своего рода движущей силой "российского капитализма", поскольку, кроме нее, никакой другой социальной силы, способной "тащить" страну в этом направлении, просто не было. Не боясь высокопарности, скажу больше: на этом этапе истории страны интересы советской номенклатуры и интересы развития общества в целом оказались сходными.

Действительно, не новость, что советская номенклатура всегда заботилась о сохранении и расширении своих властно-распорядительных функций в экономике. А в экономической политике, которую в 1986-1991 годах осуществлял Горбачев, была одна линия, которая работала "на руку" номенклатуре — ослабление централизованного регулирования экономики. В прежнем хозяйственном механизме номенклатура хотя и была "суперсобственником", но оставалась политическим аппаратом, что ставило жесткие ограничения: при всем ее всемогуществе, при том, что она возвышалась над директорами

предприятий и объединений, она оставалась скорее номинальным собственником. Реальным распорядителем национального богатства была лишь чрезвычайно узкая верхушка Политбюро. Но и ее сколько-нибудь значимые хозяйственные решения проводились через множество политических каналов.

К началу горбачевских реформ эта особенность положения номенклатуры ощущалась ею как тормоз, как помеха упрочению ее статуса. Ведь идеологическая деятельность партийных комитетов к этому времени померкла. Их политическая роль, хотя и не в такой мере, но тоже ослабла. Поэтому номенклатура нуждалась в укреплении своего ослабленного статуса. Горбачев с его лозунгами "демократии" и "социалистического рынка" оказался очень кстати.

В целом самым сильным потоком миграции номенклатуры оказался ее переход в рыночные и государственно-рыночные структуры, превращение ее из класса правящих политиков в класс доминирующих собственников, в новый экономический класс, становящийся в данном обществе господствующим.

Происхождение этого нового для России класса определило особенности его сознания и поведения. Главная особенность — эти люди сочетают в себе черты бывших партийных и советских аппаратчиков с чертами обычных предпринимателей. Сохраняющиеся "аппаратные" качества помогают ориентироваться в сложной российской ситуации. Это делает их конкурентоспособными; старые связи и навыки помогают решать новые задачи, что, безусловно, способствует активизации российского рынка, привлекает серьезных западных партнеров. Этот класс подобен мифическому Янусу, поскольку имеет два лица: старое политическое и новое экономическое.

Надо сказать, что на первых этапах реформы номенклатурный характер возникающего рынка глубоко возмущал население страны. Однако вскоре выяснилось, что действительно никаких других социальных групп, способных конкурировать с этими людьми за создание рыночных структур, в России нет. Да и откуда им было взяться? Рабочий класс никогда не осознавал себя в качестве реальной социальной силы (лозунги на этот счет идеологов КПСС никто не воспринимал всерьез). Колхозники давно превратились в наемных работников советского государства. Что касается интеллигенции, то ее социально-экономическое положение ничем не отличалось от положения рабочих и крестьян. Никаких властных полномочий она никогда не имела, тем более — доступа к материальным ресурсам страны.

Быстрая и успешная трансформация бывших партийно-советских руководителей в бизнесменов говорила сама за себя: победителей не судят. Судить-таки и перестали. Сейчас генезис "российского капитализма" конца XX века имеет в основном исторический интерес.

Таким образом, трансформация общества вывела на поверхность господствующий класс, сделав его из "теневого" — явным. Хотя на стадии возникновения две главные функции этого класса, политическая и экономическая, были столь тесно взаимосвязаны, что практически не различались, постепенно внутри общего потока номенклатуры выделились две основные подгруппы — политиков и бизнесменов. Роль политической элиты в формировании новой социальной стратификации сегодня сильнее, чем экономической, ибо при всей стихийности, неуправляемости нынешнего развития страны политика все же главенствует. Именно этот класс, имеющий большинство в Федеральном собрании и других органах власти, играет главную роль в выработке экономической и социальной политики, от которой зависят как возникновение новых классов и слоев, так и направления трансформации тех, которые были в СССР.

Формирование собственников разного ранга: некоторые тенденции

В развитых странах, экономика которых базируется на рыночных отношениях, на свободном распределении, обращении и накоплении капитала, основу социальной стратификации составляет иерархия собственников капитала. Ее образуют классы,

различающиеся по масштабам этого капитала и другим характеристикам, связанным с экономическим положением, — объемом власти, стилем жизни и т.п. Верхний уровень иерархии образуют представители крупного капитала (владельцы крупнейших компаний), капиталисты мирового класса, обладатели наибольшего количества связей, пользующиеся наибольшим влиянием. Далее идут капиталисты среднего ранга и владельцы мелких предприятий.

Что касается нашей страны, то в ней тоже уже имеется своя иерархия собственников, конечно, с поправкой на уровень развития "российского капитализма". В частности, с началом рыночной реформы легализовалась группа, которую называют "новыми русскими", "миллионерами", "бизнесменами". Прочно вошли в жизнь предприниматели разного ранга и профиля. Привычным стал и "малый бизнес". Общеизвестно, что в стране начал формироваться средний класс. Хотя терминология для описания этой стратификации еще не отработана, достоверных и глубоких сведений о ней мало, но даже обрывочные данные показывают, что в стране начала формироваться некая иерархия экономических групп, основу существования которых составляет собственность, капитал. Активно обсуждавшийся еще недавно вопрос о том, правомерен ли частный сектор в России, ушел в прошлое. Сейчас на повестке дня другой вопрос: как обеспечить его выживание?

Российский бизнес имеет свои особенности. Думаю, одна из главных состоит в том, что он в огромной мере "теневой". Причины этого — не только криминальная обстановка в стране, но и уровень развития самого бизнеса. Примечательный факт: описывая "миллионеров", социологи сосредотачивают внимание в основном на их материальном положении, богатстве, и почти не затрагивают род деятельности, ее масштабы, профиль, не говоря уже о характере собственности, капитала [5]. За этим — особый, отраслевой профиль российского бизнеса. В частности, независимые бизнесмены весьма слабо связаны с промышленностью, другими отраслями материального производства, а больше представлены в банковской и торгово-посреднической сферах. Что касается энергетики, "оборонки" и других подобных отраслей, то здесь лидируют "номенклатурный капитал", люди, о которых уже говорилось выше. Этот фактор тоже определяет большой объем теневого поведения в современной российской экономике.

Вторая особенность российского бизнеса — его собственная не легитимность, высокая степень криминальности, а также тесная (хотя и разного характера) связь с криминальными структурами. Глубинные корни того и другого — институциональная неготовность страны к рыночной экономике, проявляющаяся прежде всего в слабости государства, провалившегося выполнение правовых и правоохранных функций. При отсутствии требуемых политических и правовых условий цивилизованный рынок возникнуть не мог. Третья особенность — острый дефицит цивилизованных субъектов рыночной экономики, отражающий утрату страной рыночной экономической культуры [6]. Сейчас она начала возрождаться или формироваться вновь. Четвертая особенность российского бизнеса — воспроизведенная в новых условиях оппозиционность субъектов экономики государству, проводимой им политике и принимаемым законам. С другой стороны, само государство, оказавшись в чрезвычайно сложной ситуации, своими необоснованными решениями провоцирует субъектов экономики на внезаконные и(или) преступные способы решения собственных экономических проблем (ярким примером может служить ситуация с неплатежами).

При всем этом российские предприниматели за удивительно короткое время прочно вошли в структуру общества. Они быстро набирают силу, имеют свои общественные организации. Их голос слышен в группах власти, среди тех, кто определяет будущее страны. Они не лишены понимания своего общественного долга.

Столь же интенсивно растут и новые экономические слои работников, занятых в обслуживании бизнеса, — от менеджеров частных фирм до частной охраны. Компьютеризация российского рынка создала условия для интенсивного роста численности банковских служащих, биржевых маклеров, риэлтеров, диллеров, торговых посредников и т.д.

В российском обществе формируется и средний класс, основу которого составляют субъекты экономики. Именно поэтому под "средним классом" чаще всего имеют в виду тех же самых людей — бизнесменов и предпринимателей, поскольку по своему экономическому статусу они, как правило, не "тянут" на крупных капиталистов. Но под средним классом понимают более широкую социальную совокупность, чем только средней руки бизнесменов и малый бизнес. Так, в ответах на вопрос "Из кого может сформироваться в России средний класс?" — двести экспертов ВЦИОМ дали следующие ответы: из мелких и средних предпринимателей, мелких торговцев, фермеров — 59%; из ИТР и других специалистов — 39%; из рабочих и колхозников — 30%; из представителей госаппарата — ответственных работников министерств и ведомств — 18%; из всех тех, кто получает высокие доходы — 13%; из любых слоев, порвавших свою зависимость от государства — 11 %; из коммерческих посредников — 11 %; из директоров и администраторов госпредприятий — 10%; из сотрудников частных фирм и банков — 9%; из ученых — 8%. Эти оценки можно интерпретировать так, что эксперты видят в российском обществе хорошую социальную базу для развития рынка [7].

Классы бывшего советского общества в новых условиях

Формирование в России новой социальной стратификации включает два разных процесса — возникновения новых классов и слоев и трансформации тех, которые были в СССР. Охарактеризовав первый процесс, кратко остановлюсь на втором.

Если говорить о рабочем классе, то прежде всего произошла его демифологизация. Отброшен фундаментальный миф КПСС о руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма, базировавшийся на более ранней мифе о диктатуре пролетариата в условиях перехода от капитализма к коммунизму. Как известно, ни первая, ни вторая официальные концепции не имели ничего общего с действительностью. Как не имел его и еще один миф — об участии рабочих в управлении производством. На деле такой реальной роли советский рабочий класс не играл, напротив, нещадно эксплуатировался государством, маскировавшимся под общенародное. Историческая роль перестройки в том, что впервые рабочие получили возможность открыто выражать свои отраслевые, профессиональные, общеклассовые интересы, бороться за них. Массовые забастовки дали обществу реальное представление об условиях труда и жизни миллионов рабочих.

Переход к рыночной экономике не столько меняет социально-экономическое положение рабочего класса, сколько уточняет его формальный статус, снимает идеологический туман: отныне немалая часть рабочих будут наемными работниками как государства, так и частных фирм. Во времена СССР статус рабочих как наемной силы государства тщательно скрывался, чему и служили их мифические социальные роли. Не будет преувеличением сказать, что советские рабочие были "теневыми наемными работниками". С вступлением в рынок эта "тень" исчезает. Обретенное же право бороться за свои интересы с работодателями меняет реальное положение рабочих, делает его более обнадеживающим.

Что касается крестьянства, то главная перемена в его положении — расширение области свободы экономического поведения. Колхозники и рабочие совхозов получили право выхода из хозяйств с теми паями, которые получены в результате так называемой реорганизации колхозов и совхозов (1991-1993 годы). Это явилось одним из каналов формирования нового класса — фермеров. Отмерли остатки прежних ограничений на ведение личных подсобных хозяйств. Раскрылись новые возможности для установления прямых экономических связей с производителями техники, запчастей, кормов, удобрений, как и с потребителями продукции. При всех известных финансовых трудностях имеющаяся сегодня область свободы в немалой мере компенсирует потери в экономических условиях труда и жизни работников сельского хозяйства.

Наконец, если говорить о третьем "участнике" социальной структуры советского общества — специалистах с высшим образованием, называвшихся интеллигенцией, то ее формальный статус резко снизился. Хотя бы потому, что в СССР она рассматривалась как

базовый элемент известной формулы "два класса — один слой", то есть как один из "столпов" общества. Нынче же ее именуют не иначе, чем "бюджетниками". Экономическое положение интеллигенции тоже снижено: достаточно указать на положение учителей, ученых и врачей.

Естественный вопрос: каков же механизм процесса формирования в России новой экономической стратификации, что именно меняет положение одних групп и формирует другие, новые группы?

Новые критерии дифференциации

Главное, что следует определить: какие именно внешние условия и черты самого населения приводят к той или иной его дифференциации на экономически разные группы. В западной социологии ими считаются следующие: 1) экономический статус индивида — характер и размер той собственности, того капитала, которыми он владеет, его место в иерархии собственников данной страны и мира; 2) статус власти — место индивида в иерархии власти, зависящее оттого, какими объектами он управляет, сколько людей подчинены ему, какой важности решения он принимает, на что может влиять; 3) уровень образования, проявляющийся в профессиональной компетентности и общей культуре; 4) стиль жизни — накопленное богатство индивида и его семьи, текущее потребление, характер района проживания и жилья, круг общения, характер досуга, ценности и нормы поведения; 5) престиж индивида — отношение к нему общества и непосредственного окружения.

Эти критерии универсальны, действуют во всех обществах. Но их содержание в разных обществах различно. Так, для нынешней России характерна дифференциация новых собственников по "теневым" экономическим критериям — таким, как источники и истинные масштабы просроченной задолженности, масштабы капитала за рубежом, внешнеэкономические связи, близость к аппарату федеральной и местной власти, деловые связи с политическими и иными социальными кругами в России и за ее пределами.

Но откуда берется, чем определяется глубина дифференциации людей по тем или иным критериям? Она зависит, с одной стороны, от объективных условий (политических, экономических, социальных), которые складываются в стране, а с другой — от отношения людей к самим критериям дифференциации. Например, что больше ценят жители данного общества — высокие посты в иерархии власти или высокий уровень компетентности, богатство или чистую совесть. Ранги значимости разных критериев ("это очень важно", "это не важно") определяются престижем соответствующих ценностей в данном обществе, что, в свою очередь, объясняется его культурными традициями.

В нынешней России все это только начинает складываться. В СССР критерии дифференциации не работали по двум причинам: огосударствления всей общественной жизни и идеологизированности сознания. Ведь экономические критерии — собственность, доход — могут играть дифференцирующую роль только в условиях экономической свободы. Аналогично и такой критерий, как причастность к власти, начинает приобретать серьезное значение лишь при истинной демократичности режима, выборности должностных лиц и т.п. Сейчас такие условия появились.

Из сказанного видно, что в основе той новой социальной стратификации, которая начала складываться в России, лежит не механическое распределение людей по тем или иным критериям, а нечто гораздо более сложное — формирование новых ценностей и новых иерархий престижа разных благ.

Процесс формирования в России иерархии реальных собственников имеет три общесоциальные особенности, отличающие его от многих других процессов, которые сегодня идут в стране. Во-первых, он протекает не столь демонстрационно, открыто, как, например, перемещения беженцев или динамика забастовок, к чему привлечено всеобщее внимание. Напротив, общество не фиксирует, когда именно возникли те или иные группы бизнесменов, какова их численность в тот или иной момент и т.п. Во-вторых, этот процесс затрагивает не какие-то отдельные, единичные, а практически все группы общества. В-третьих, в принципе он растянут во времени, не может произойти одномоментно. При всех этих особенностях формирование новой экономической стратификации — мощный

социальный механизм, который, хотя и медленно, но явно меняет тип общества. Каким оно будет в терминах привычного социального анализа (социализм-капитализм, демократия-авторитаризм), сейчас сказать трудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1994. 29 июня.
2. Косалс Л.Я., Шувалова О.Р., Рывкина Р.В. Перемены в России в 1993-1994 годах: мнение экспертов. Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ, 1994. №4.
3. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Собственники российских промышленных предприятий: анализ мнений директоров и оценок экспертов. Научный отчет. М.: МЦИЭР, 1993.
4. Рывкина Р.В., Киселев С.В., Косалс Л.Я., Кузнецов М.В., Увицкая Ю.С. и др. Субъекты аграрной экономики в новых условиях: Отчет об исследовании. М.: ВЦИОМ, 1994.
5. Новые российские миллионеры. Известия. 1994. 7 сентября.
6. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: Судьба рыночной экономической культуры в России. М.: Наука, 1994.
7. Рывкина Р.В. Эксперты о среднем классе // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Интерцентр-ВЦИОМ. М: АО Аспектпресс, 1993. №6.